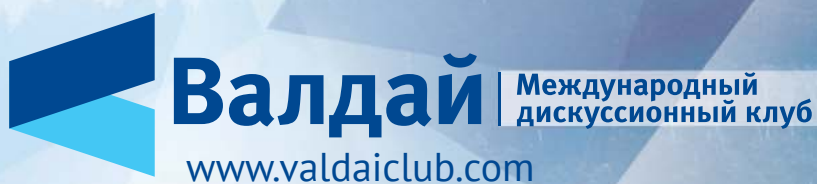

ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Специальный выпуск. Октябрь, 2016

ЕСЛИ БЫ НЕ РАСПАЛСЯ СССР...

Олег Барабанов

Об авторе:

Олег Николаевич Барабанов

программный директор Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Европейского учебного института МГИМО МИД России, профессор РАН

Данный текст отражает личное мнение автора, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

На XIII ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» запланирована специальная сессия на тему: «Если бы не распался СССР». Такая тема, с одной стороны, является достаточно новым подходом для Клуба, ориентированного в первую очередь на анализ текущих и будущих тенденций в глобальной политике и экономике. Историческая ретроспектива и тем более – историческая реконструкция, по понятным причинам чаще всего оставались вне фокуса его внимания.

С другой стороны, приближается столетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. (позволим себе напомнить те официальные эпитеты, которыми именовалось это событие в прошлые годы). И эта годовщина, вполне естественно, предполагает серьезное и вдумчивое осмысление советского опыта в развитии нашей страны, причем не только с исторической точки зрения, но и в плане проекции в будущее. Вопросы о том, какое значение имеет для нас сегодня наше советское наследие (в т.ч. и советское внешнеполитическое наследие), являются, несомненно, крайне важными и актуальными для определения идеологической и ценностной подоплеки современной политики. Поэтому и внимание Валдайского клуба к этим вопросам становится вполне объяснимым.

Проблемность и неоднозначность оценки советского прошлого сегодня состоят и в том, что на официальном уровне достаточно четко формируются полярно противоположные оценки начала и завершения советского периода нашей истории. Применительно к революции 1917 г. понятный сейчас консервативный пафос оформляется в простую фразу: “Never again!”, не допускающую никаких вариаций в оценке. На Международном инвестиционном форуме в Сочи по этому поводу однозначно высказался премьер-министр Дмитрий Медведев. Предваряя год юбилея тех событий, он отметил: «Эта революция – очевидный пример того, как с утратой стабильности были, по сути, разрушены основы экономики и на долгие годы утрачены перспективы экономического роста. Именно поэтому, мне кажется, мы должны дорожить тем, что имеем сейчас». По понятным причинам, этот антиреволюционный и контрреволюционный подход будет доминировать и в ходе официальной идеологической кампании в течение следующего юбилейного года.

Думается, соответствующую оценку получают фигуры Ленина (и его пресловутого германского финансирования), Троцкого (и его вполне очевидного американского финансирования) и других лидеров революции. На уровне карнавальной культуры всплывут старые анекдоты, типа «Ленин в разливе». Все это вполне органично войдет в контекст наблюдающейся уже несколько лет полуофициальной идеализации Распутина (и его борьбы с заговорщиками-либералами, связанными с английским посольством). Вопрос лишь в том, какая будет дана официальная (или полуофициальная) оценка последнему царю Николаю II. Получит ли развитие тенденция его восприятия как неудачника, «развалившего державу» (и здесь напрашивается очевидное сравнение Николая с Горбачевым – очень уместное, отметим, в контексте сегодняшних событий), либо же будет совершен разворот к «ельцинской» позиции девяностых годов о «царе-мученике»? В этом, пожалуй, единственная интрига официального восприятия юбилея.

С другой стороны, символическая оценка 1991 г. (и советского периода вообще), которая, несомненно, возникнет вновь в контексте юбилея 1917 г., на официальном идеологическом и ценностном уровне носит прямо противоположный характер.

Всем памятливы знаменитые слова президента России Владимира Путина, что распад СССР – это величайшая геополитическая катастрофа XX века. Такие события, как полет Гагарина и День Победы, ставшие двумя ключевыми ценностными доминантами нашей исторической памяти, также закрепляют пиетет по отношению к советской эпохе. Наблюдающаяся позитивная переоценка роли Сталина (при этом – не как коммуниста, а как государственника), которая уже получила мощное медийное подкрепление в дни юбилея XX съезда КПСС в феврале 2016 г. («Сталин строил, а Хрущев портил»), также отсылает нас к советской эпохе.

Дополнительный импульс к восприятию на символически-ценностном уровне советского наследия был дан после воссоединения с Крымом в марте 2014 г. И это несмотря на то, что основной исторический символ, который просматривался тогда в выступлениях Президента Владимира Путина, был обращен к идее «сакрального Херсонеса», колыбели русского православия, заявлениям о том, что Херсонес для русских играет такую же роль, как Иерусалим для евреев и Мекка для мусульман, а советские деяния («Хрущев отдал Крым Украине») подавались однозначно негативно. Но несмотря на это, слова Владимира Путина на митинге у стен Кремля ночью 18 марта 2014 г. о том, что Крым и Севастополь вернулись в родную гавань, запустили у многих граждан страны процесс личной ностальгии по тому, что их раньше связывало с Крымом. А это была абсолютно советская ностальгия по «всесоюзной здравнице», по Артеку, по вечерам «у самого синего моря», крымским фильмам, стихам и песням. Уже апробированный в филологии термин «геопоэтика», сочетание литературных и художественных ассоциаций с тем или иным местом, пожалуй, очень точно отражает восприятие крымских событий у многих граждан России. При этом надо отметить, что эта крымская геопоэтика в памяти россиян носит отнюдь не идеологизированный характер. Здесь как раз остается очень мало места для стандартных коммунистических клише. Гораздо большую роль играют сюжеты о романтике и трагедии человеческой любви и жизни на фоне моря (вспомним, к примеру, коктебельские стихи Евгения Евтушенко или Юлии Друниной), вплоть до явственных контркультурных символов, основанных на крымских образах («Зимним вечером в Ялте» Иосифа Бродского и кадры из зимней же Ялты из фильма «Асса» Сергея Соловьева). Тем самым народная «геопоэтика Крыма» советских времен стала прочной органичной частью «крымского консенсуса» в общественном мнении россиян.

Но помимо анализа общих ценностных символов, связанных с советской эпохой и активно влияющих на современную идеологическую политику в России, постановка вопроса: «если бы не распался СССР», несомненно, требует построения тех или иных исторических реконструкций в контексте их осмысления с точки зрения современной политики.

Среди этих развилок истории, понятно, ключевое место занимает вопрос: «а если бы не было Горбачева?». Он распадается на несколько составляющих. Первая из них – «если бы Андропов прожил подольше». Фигура Юрия Андропова, в силу понятного сейчас возрождения «чекистских мифов», многими воспринимается в качестве идеального лидера советской эпохи. Что реально успел сделать Андропов за год с небольшим пребывания у власти? Это укрепление трудовой дисциплины, борьба с коррупцией и ужесточение внешней политики. Именно в 1983 г., в андроповское время, достигло апогея взаимное развертывание ракет средней дальности в Европе, именно тогда Рейган назвал Советский

Союз «империей зла», именно при нем был сбит южнокорейский «Боинг». Добавим к этому дешевую водку «андроповку» (союз власти и народа, как ни крути) и «завинчивание гаек» против диссидентов (хотя в последнем вопросе не все так однозначно, что видно из многих мемуаров по обе стороны баррикад). Но захотел бы (и смог бы, даже если захотел?) Андропов начать полномасштабную экономическую модернизацию (не будем употреблять слово «реформа»), стал ли бы он советским Дэн Сяопином – на это ответа нет. Мемуары помощников Андропова говорят в пользу этого, «чекистский миф», напротив, дает почву для сомнений.

И наконец, по опубликованным источникам видно, что Андропов благоволил Горбачеву, и если бы прожил подольше, то, возможно, сделал бы его своим наследником – неофициальным «вторым секретарем» ЦК КПСС вместо Черненко. На это, впрочем, тоже есть своя конспирология: тогда бы Андропов разглядел «гнилое нутро» Горбачева, и выдвинул бы кого-то другого из «молодой команды» тех политиков, которые получили высокие посты в Политбюро и Секретариате ЦК и в Совете Министров в его время (среди них Гейдар Алиев, Егор Лигачев, Григорий Романов, Николай Рыжков, Виталий Воротников и др.).

Второй вопрос более парадоксален: «а если бы Черненко прожил подольше?». Казалось бы, смертельно больной человек у власти, задыхающийся без кислородной маски, сделал 1984-85 гг. самыми позорными и высмеиваемыми во всей истории СССР. Но здесь тоже не все так однозначно. До достаточно неожиданного (скажем так) ухудшения здоровья Константина Черненко летним отпуском в Крыму в 1983 г. он был, во-первых, достаточно бодр, а во-вторых, за ним закрепилась репутация очень крепкого аппаратчика, который эффективно руководил внутренней жизнью ЦК в последние годы Брежнева. И если бы не его болезнь, то правление Черненко воспринималось бы как своего рода «Брежнев-2» – консервативное, но управляемое и стабильное, и Горбачев не получил бы той власти в Секретариате ЦК, которая была у него при больном Черненко. При этом даже больной Черненко не был чужд реформ (именно при нем началась масштабная реформа средней школы), отказался он и реабилитировать брежневского министра внутренних дел Николая Щелокова, который за коррупцию был отправлен в отставку Андроповым. Показательно, что застрелился Щелоков не при Андропове, а при Черненко. Другой показательный в контексте нынешнего советского наследия факт, что именно Черненко восстановил членство в КПСС ближайшего соратника Сталина Вячеслава Молотова, исключенного из партии Хрущевым. В любом случае помощники Черненко соревнуются в своих мемуарах с помощниками Андропова на тему того, что проживи именно их шеф подольше, и все было бы хорошо.

Наконец, возникает вопрос, что было бы, если бы после смерти Черненко к власти пришел не Горбачев, а другой человек. Среди упоминаемых в открытых источниках возможных альтернатив назывались Григорий Романов, Виктор Гришин, Андрей Громыко, Владимир Щербицкий. Любой из них, думается, продолжал бы консервативный курс «Брежнев-2». С точки зрения внешней политики Советского Союза, естественно, наиболее интересно порассуждать, какой курс стал бы проводить многолетний министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, если бы он достиг высшей власти. Его глубокое знание международных проблем, очевидно, сделало бы вовлеченность СССР в мировые дела гораздо более стратегически осознанной и цельной. Возможно, не лишено логики

предположение, что он, в силу понимания ситуации, был бы более осторожен и менее радикален во внешней (и ракетно-ядерной) политике, чем Юрий Андропов. При этом, поскольку СССР во главе с Громыко не растерял бы своего влияния на союзников и партнеров, как произошло с СССР при Горбачеве, то Громыко мог бы оказать сдерживающее воздействие на других лидеров, которые прислушивались к мнению СССР. Первый пример, который приходит на ум, это Саддам Хусейн в Ираке. Возможно, что СССР при Громыко смог бы сдержать его от нападения на Кувейт, что, как мы знаем, запустило необратимые последствия на Ближнем Востоке и открыло двери для американских интервенций по всему миру. Но другой вопрос – стал ли бы Громыко более открытым к диалогу с западными странами и Китаем – также повисает в сослагательном наклонении. Состоялся ли бы при нем новый раунд разрядки в международных отношениях (но, несомненно, без сдачи всех позиций, как при Горбачеве) либо же сохранялся заложенный Рейганом и Андроповым цугцванг в советско-американских делах?

Если рассматривать другие альтернативы Горбачеву, то, пожалуй, отдельной исторической реконструкции заслуживает то, если бы во главе СССР стал руководитель советской Украины Владимир Щербицкий (его, по ряду мемуарных оценок, называл своим наследником и сам Брежнев). В контексте нынешнего конфликта России и Украины такая реконструкция была бы особенно интересной. Стал бы Щербицкий лишь продолжателем «днепропетровского» курса Брежнева – с его повышенным вниманием к развитию промышленных центров Украины и рекрутингом украинских кадров в высшие коридоры власти в Москве? Или же Щербицкий начал бы гораздо более широкую и амбициозную кампанию по выведению украинской культуры и украинских идеологов на общесоюзный уровень с целью придания ей статуса «второй базовой культуры» всего СССР, которая внедрялась бы наравне с русской? Взял ли бы он тем самым на вооружение рецепты своего бывшего политического противника Петра Шелеста, изложенные в его знаменитой книге «Україно наша Радянська»? Был бы поставлен вопрос об усилении украинизации всей общественной жизни СССР?

Но в итоге, как мы знаем, никаких альтернатив не случилось и поддержавший в конечном итоге Горбачева Андрей Громыко говорил потом своим близким: «Как же я ошибся!».

Второй блок развилки истории связан с прямым вопросом: а мог ли не распасться СССР при Горбачеве? Этот вопрос логически трансформируется в другой: а мог бы кто-нибудь остановить Горбачева? Здесь, к сожалению, надо констатировать, что штабная культура в ЦК КПСС была такова, что коллективное руководство часто было фикцией. Доминировал же принцип «начальник всегда прав». Поэтому на ключевой в этом контексте вопрос – могло ли быть ускорение без перестройки, когда экономические реформы проводились бы при политическом консерватизме (опять же путь Дэн Сяопина и опыт площади Тяньаньмынь в Китае), наверное, нельзя ответить положительно. Увлекающаяся натура Горбачева, деятельность его ближайших соратников и помощников (Яковлев, Шахназаров и др.), подталкивавших его к политической реформе, видимо, делали политическую перестройку неизбежной. А далее исход событий, наверное, уже был запрограммированным. Понятно, что нельзя выпускать джинна из бутылки по частям. С того момента, как перестройка переросла рамки хрущевской «оттепели» и либеральных публикаций в журналах, когда самим Горбачевым

была запущена реформа власти с трансформацией Верховного Совета СССР старого образца в Съезд народных депутатов СССР, когда парламентская трибуна стала рупором для отмены многопартийности, для консолидации сепаратистских национальных движений в союзных и автономных республиках – остановить этот процесс было уже невозможно. Попытки Горбачева ввести эти трансформации в управляемые и замедленные рамки тоже ни к чему не привели. Единственное, чего ему вплоть до 1991 г. удавалось добиться – это признание его права на личную высшую власть в обмен на все новые шаги по деконструкции политической системы СССР. Известна фраза, сказанная Горбачевым в кулуарах одного из заседаний Эдгару Сависаару, председателю Совета Министров Эстонской ССР, начавшему открыто ставить вопрос об отделении Эстонии: «Эдгар, ты торопишься!». Т.е. не ошибаешься, а просто торопишься. Тем самым вопрос о конечном распаде СССР признавался и самим Горбачевым, дело лишь в темпах реализации этого процесса.

Другой вопрос здесь – часто звучащие упреки, что Горбачев делал акцент на внешней политике в ущерб внутренней (вместо того, чтобы опять же, как Дэн Сяопин, не вовлекаться активно в международные дела, а сконцентрироваться на внутренних реформах). Здесь тоже вряд ли могла быть альтернатива. Вначале Горбачев попал под обаяние и влияние Маргарет Тэтчер в ходе своей поездки в Лондон в 1984 г., еще до прихода к высшей власти; затем стала очевидной его быстро проявившаяся любовь к глобальному PR-эффекту от международных поездок; к этому добавилась его увлеченность новыми внешнеполитическими идеологемами (которые активно ему подбрасывали его помощники, многие из которых ранее были экспертами именно по международным делам), наконец, спорная фигура Шеварднадзе на посту министра иностранных дел – все это делало разворот Горбачева от внешней политики к внутренней вряд ли возможным.

К этим общим вопросам добавляется еще и влияние внешних факторов, подрывавших стабильность советской системы. В контексте 30-летнего юбилея чернобыльской катастрофы в апреле 2016 г. появились и статьи, и даже художественные фильмы на тему, каким могучим был бы и сегодня СССР, «если бы не было Чернобыля». К примеру, в популярном телесериале «Чернобыль. Зона отчуждения» группе современной молодежи с помощью машины времени удается попасть в прошлое, в Чернобыль за день до аварии, и остановить катастрофу. Будущее изменяется. И в последних кадрах фильма зрители видят застроенный небоскребами современный Чернобыль и узнают, что Советский Союз по-прежнему нерушим, что советский рубль – самая твердая валюта в мире, что уже сотни стран выбрали социалистический путь развития, а Америка, наоборот, рушится, что интернет изобрели советские ученые, и во всем мире он называется «Рунет». И только одно является в этом мире неизменным – Генеральным Секретарем ЦК КПСС является Владимир Путин.

В любом случае понятно, что при всей грандиозности Чернобыльской катастрофы ее политические последствия для Советского Союза намного превзошли технологические. Именно в дни Чернобыля для всей страны стало ясно, что «власть всегда все врет» и «так дальше жить нельзя». Попытки замалчивания Чернобыльской аварии в первые дни после нее, трехнедельное молчание Горбачева по этому поводу стали, действительно поворотным пунктом в изменении массового общественного сознания в СССР.

Отдельная тема – это резкое падение цен на нефть в середине 1980-х гг., и на этом фоне – сокращение внутренних поступлений в бюджет из-за антиалкогольной кампании Горбачева (здесь четко виден его контраст с Андроповым). Все это вместе привело к критическому сокращению доходных статей бюджета СССР, и в результате экономические трудности, нехватка продуктов и распределение их по талонам, сначала замаскированный, а затем и открытый рост цен подорвали социальную стабильность советской системы. Итогом стало прекращение своего рода общественного договора брежневской эпохи: политическая пассивность граждан в обмен на социальное благополучие. После этого и массовая база поддержки Горбачева (отметим, справедливости ради, очень высокая в первые годы его правления) стала резко и неумолимо испаряться.

И на этом фоне возникает еще одна субъективная развилка истории – это «фактор Ельцина». Очевидно, что именно фигура Бориса Ельцина стала ключевой в процессе распада СССР. У раздробленного и достаточно маргинального к тому времени протестного движения появился яркий лидер, вышедший с самых верхних этажей власти, готовый ставить самые амбициозные политические задачи и пользовавшийся в те советские годы действительно самой широкой популярностью. Что было бы, если бы Ельцин сдержался и не выступил со своей знаменитой критической речью на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1987 г.? Что было бы, если вместо достаточно «мягкой» отставки и свободы для публичной деятельности Ельцин был бы полностью лишен этого права системой и быстро ушел в небытие? Наконец, что было бы, если бы Ельцина арестовали в первые часы путча в августе 1991 г., а без него, очевидно, сопротивление ГКЧП осталось бы без признанного лидера и, скорее всего, не приобрело бы того размаха, который случился в реальности? Таким образом, вопрос: «а не распался бы СССР, если бы не было Ельцина?», не менее важен, чем и вышеупомянутый – «а если бы не было Горбачева?».

И, наконец, последняя из развилок истории, это реконструкции на тему того, можно ли было спасти Советский Союз в 1990-91 гг.? Смогла бы заработать экономическая программа «500 дней» Шаталина и Явлинского? Что было бы, если бы не было путча ГКЧП? Был бы в этом случае дееспособен новый союз советских республик с Нурсултаном Назарбаевым в роли премьер-министра? Казахские эксперты говорят, что у Назарбаева осталась долгая обида на Россию (и на горбачевскую, и на ельцинскую команды) именно из-за того, что ему не дали стать премьер-министром СССР. Что было бы, если бы победил путч ГКЧП? Здесь опять же четко видна разница СССР и Китая, и неготовность к силовому разгону защитников Белого дома в Москве контрастирует с решимостью разгона протестующих на площади Тяньаньмынь в Пекине. Стоял ли за этим путчем сам Горбачев, как утверждают многие мемуаристы? Какова была бы внутренняя и внешняя политика СССР после победы путчистов?

Увы, у истории нет сослагательного наклонения. Прямых ответов на эти вопросы мы никогда не узнаем. Все вместе, по анализу всего комплекса источников, иногда позволяет говорить даже и то, что какой-то неотвратимый злой рок вел Горбачева и всю страну к гибели, и остановить это было невозможно. В любом случае вопрос о роли личности в истории получил здесь абсолютно хрестоматийный пример.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РСМД
Российский совет
по международным
делам

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ